

6. 1-Й КУБАНСКИЙ (ЛЕДЯНОЙ) ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

6.1. От Ростова к Ольгинской. Переформирование Армии

В ночь с 9(22) на 10(23) февраля¹ Добровольческая армия покидала Ростов. Основные силы с Корниловым во главе выступили в 23 часа от Лазаретного городка. Прикрывавшие отступление Студенческий и 1-й Офицерский батальоны отходили через город от Таганрогского проспекта по Большой Садовой улице. Ввиду пассивности противника они вскоре догнали Армию и стали в хвост растянувшейся в ночной степи колонны.

Впереди продвигались обозы и беженцы, за ними, а частично и попеременно с ними – строевые части. Едва вышли из Нахичевани в степь, дорога ухудшилась. Всё чаще её преграждали снежные заносы. Тут и там оставались на обочинах брошенные беженцами повозки, брички и даже автомобили².

¹ В 1918 г. декретом СНК в России был введён Григорианский календарь, согласно которому вслед за 31 января наступало сразу 14 февраля. Здесь и далее, начиная с 1 февраля 1918 г., указаны даты, как по старому, так и по новому (в скобках) стилю.

² Вот что пишет «командующий войсками Ростовского района» (от войска Донского) генерал А.П. Богаевский (родной брат М.П. Богаевского), присоединившийся к уходящим добровольцам вместе со своим штабом: «Под вечер 9 февраля, уничтожив все канцелярские дела и погрузив кое-какие вещи на два штабных автомобиля, мы двинулись по Садовой улице к Нахичевани. Третий автомобиль оказался за час до выступления испорченным его шофером, скрывшимся в городе. Был тихий зимний вечер. Накануне выпал снег. Пустынны и мрачны были ростовские неосвещённые улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были редкие ружейные выстрелы.

Наскоро попрощавшись по пути с семьёй, приютившейся на окраине Ростова, почти без надежды когда-нибудь увидеть её, я снова сел в автомобиль и догнал колонну добровольцев у выхода из города по пути на станицу Аксайскую.

Здесь случилась первая неудача: мой автомобиль, попав в глубокий снег (дорога за городом ещё не была накатана), остановился и, несмотря на отчаянные усилия шофера, дальше не пошёл. Пришлось его бросить, испортив двигатель. Нагрузившись небольшим багажом и карабинами, мы пошли пешком. Я догнал Корнилова, шедшего во главе колонны, и пошёл с ним рядом...»

Многие, оторванные дневным боем от штаба, понятия не имели, куда направляются. И лишь теперь все сомнения и слухи рассеялись. Армия шла к станице Аксайской.

От переезда через ветку Ростов – Новочеркасск³ голова колонны резко повернула и дальше продвигалась по железнодорожному полотну. Выйти на него артиллерийские упряжки 1-й Юнкерской батареи оказались не в состоянии. Валившиеся с ног юнкера помогли усталым лошадям, но ничего сделать не могли. Лишь содействие добровольных помощников из Студенческого батальона позволило батарее продолжить движение. Пушки громыхали по шпалам, разгоняя сон. На мостках копыта коренных проваливались в щели. Приходилось укладывать перед каждым орудием доски, что отнимало последние силы и замедляло движение. Когда же батарея, застряв, останавливалась, добровольцы из шедших в арьергарде Студенческого и 1-го Офицерского батальонов без команды выдвигались и помогали юнкерам-артиллеристам на руках вытягивать орудия⁴. В них была жизнь и надежда Армии. Но куда в большей степени во фронтовом офицерском братстве.

Ближе к рассвету голова колонны достигла Аксайской. Беженцы сразу разбрелись по станице, но Армия вынуждена была остановиться. Один из высланных заранее квартирьеров вернулся и доложил, что казаки «держат нейтралитет» и требуют, чтобы добровольцы в Аксайскую не входили. Начинать поход с боестолкновения с казаками было очевидно невозможно. На переговоры выехали на санях Деникин с Романовским. После *полтора часовых* увещаний станичный атаман и казачий сход согласились предоставить Армии ночлег, но с тем условием, что с утра добровольцы покинут Аксайскую и в любом слу-

³ Для предотвращения возможного продвижения к Аксайской советских бронепоездов от переезда в сторону Ростова была выслана команда подрывников, которая разобрала пути и взорвала несколько небольших мостков. Меры эти оказались излишними, Армию никто не преследовал. Сиверс вошёл в Ростов лишь утром 11(24) февраля.

⁴ Батарея добралась до Аксайской лишь к 6 утра. Ожидая своей очереди на переправе, личный состав получил на отдых два часа.

чае не станут вести бой в станице или в непосредственной от неё близости⁵.

Части втянулись в улицы, люди расходились по домам и мгновенно засыпали. Из состава 1-го Офицерского батальона был выслан в охранение взвод, ставший на холме западнее станицы. А от Ростова всё подходили и подходили разрозненные группы отставших. Подлетали пролётки, офицеры спешили присоединиться к своим. Нашлись и такие, кто только теперь, в самый отчаянный момент, решил вопреки всему примкнуть к добровольцам.

Ещё затемно на левый берег перешли конный дивизион полковника Гершельмана и партизанский отряд сотника Грекова. Они прикрыли будущую переправу с востока и с юго-запада, со стороны Батайска. За ними проследовали в Ольгинскую квартирьеры.

Заранее выдвинутая к Аксайской Техническая рота работала на переправе всю ночь. Был подготовлен спуск к берегу и устроен бревенчатый настил до самой кромки льда⁶. Всё время рота оставалась на переправе для обеспечения порядка и предоставления технической помощи. Впрочем, особых задержек и неувязок не было. Тем более что с самого утра на переправу прибыл генерал Марков⁷, также поспособствовавший, чтобы всё прошло быстро и гладко.

Едва рассвело, переправа началась. Части и обозы следова-

⁵ По словам Деникина решающую роль в переговорах сыграл казак-ординарец, который отозвал в сторону одного из станичников и сказал ему: «Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдёт Корнилов. Он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит».

Думается, дело было всё же в другом. Все понимали, Армия Аксайскую не минует в любом случае. О сопротивлении нечего было и думать. Даже и не в лучшем состоянии добровольцы в несколько минут смели бы станичных самооборонцев.

⁶ Мост напротив Аксайской был наплавным. Зимой едва река замерзала, его демонтировали. Ввиду этого Армия переправлялась на левый берег Дона по льду.

⁷ С рассветом к переправе напротив Аксайской вышла «группа Маркова». Это был 2-й Офицерский батальон, в ночь на 10(23) февраля отступивший от станицы Заречная по левому берегу Дона. Батальон, не задерживаясь, проследовал в Ольгинскую, а генерал Марков остался на переправе.

ли в порядке заранее определённой очереди. Первым пешим перешёл через Дон генерал Алексеев. Корнилов с конвоем также переправился с головными подразделениями. Став на пригорке, на той стороне, он пропускал перед собой проходившие части, здороваясь с ними.

Прошли Юнкерский и Студенческий батальоны. Юнкера и учащаяся молодёжь, выспавшиеся и подкрепившиеся скудным завтраком из чая с белым хлебом, были полны свойственного юности оптимизма, бодрости и задора... Прошли обозы и лазарет с ранеными.

Лёд между тем начинал уже кое-где потрескивать под ногами. Подгонять никого не приходилось. К 8 часам подошла очередь 1-й Юнкерской батареи 4-х орудийного состава. Вначале перевели лошадей с упряжками. Переправлять орудия целиком не решились. Их разбирали и перетаскивали по частям. Снятый ствол и снаряды перевозили на не без проблем «занятых» у казаков санях⁸. Облегчённый лафет юнкера перекатывали по льду на руках.

Таким способом довольно быстро переправили на левый берег три первых орудия. К этому времени спуск к реке раскатали совершенно. К тому же переправившиеся первыми успели проломить некрепкий ледок у обоих берегов. Постепенно ширина чистой воды между берегом и кромкой льда всё увеличивалась. Приходилось делать несколько шагов по колено в воде и лишь потом взбираться на лёд. Тут вдруг выяснилось, что последнее орудие разобрать не удастся. Несмотря на все усилия, гайку соединительного болта открутить не могли. Чтобы не бросать орудие, командир батареи подполковник Миончинский приказал переправлять его целиком, на руках. Тут же на берегу нашли длинную чугунную трубу, завели её под сошник поперёк лафета и, взявшись за концы, потянули орудие к переправе и далее на другой берег. Тянули пушку человек 15 вымотавшихся уже юнкеров. Шли шагом. На середине реки лёд треснул.

⁸ Отношение казаков к уходящим добровольцам было, если и не откровенно враждебным, то весьма недоброжелательным. И сани, и даже брёвна для укрепления раскатанного спуска предоставлялись после долгих споров и отговорок.

Орудие остановилось, проломило одним колесом лёд и начало проваливаться под воду. Лишь самообладание Миончинского, успевшего подать команду «Бегом!», спасло положение. Юнкера, собрав последние силы, вытащили орудие из полыньи и устремились к берегу. Лёд трещал под ногами и колёсами, но не успевал проломиться. Вытянув пушку на берег, все, совершенно обессиленные, легли на лафет и на песок и долго не могли подняться. Зато орудие, одно из немногих, остававшихся ещё в Армии, было спасено и позже спасло не одну жизнь. Отдыхавшись, юнкера приступили к сборке остальных трёх орудий. В это время над переправой пролетел советский аэроплан. Лётчик сбросил три бомбы, которые особого ущерб не нанесли.

Вслед за этим переправились и остальные пехотные и артиллерийские части. 1-й Офицерский батальон снял свои заставы, которые с высокого правого берега могли наблюдать движение растянувшейся добровольческой колонны вплоть до Ольгинской. Последними перешли на левый берег партизанские отряды и Батальон имени генерала Корнилова, прикрывавшие Аксайскую с запада. В 11 часов, предварительно взорвав железнодорожные пути у станции, покинула переправу Техническая рота. Добровольческая армия менее чем за три часа переправилась через Дон и ближе к полудню целиком сосредоточилась в станице Ольгинской.

Жители станицы, которая оставалась до сих пор вне зоны боёв, приняли добровольцев приветливо. Люди, став на квартиры, плотно поели и наконец-то получили возможность выспаться и отдохнуть. Большевики не преследовали Армию. К тому же теперь сделать это было непросто. Ольгинская располагалась на заснеженной равнине, любое продвижение от Батаяска или Нахичевани было бы немедленно обнаружено.

11(24) февраля Армия приводила себя в порядок. Добровольцы чистили оружие, пытались ремонтировать ветхое обмундирование. Обсуждали одно: куда проследуют дальше. Высказывались различные соображения в защиту тех или иных маршрутов. Однако точно ничего не знал никто. В том числе и командование.

Большевики не тревожили добровольцев. Лишь артиллерийская батарея дала из Нахичевани несколько выстрелов, не принёсших особого вреда. Да небольшая конная советская часть, переправившаяся вслед за добровольцами через Дон, атаковала отряд сотника Грекова, но была отбита. В бою один партизан был зарублен и трое ранены.

В этот день Корнилов отдал приказ о реорганизации Армии. В Ольгинскую пришло до 25 отрядов, частей и подразделений. Разной численности, от нескольких сот штыков до нескольких десятков, разной степени боеготовности. Наладить надёжное управление в этих условиях было весьма затруднительно. Сведение остатков офицерских рот и разношерстных отрядов в несколько более-менее однородных частей давно уже стало насущной необходимостью и произведено было при первом удобном случае.

С 8 часов утра 12(25) февраля на станичной площади выстраивались все подразделения Добровольческой армии. Сразу же начальники стали перемещать людей из одних колонн в другие. Перестроение заняло довольно много времени и закончилось лишь к 11 часам. Наконец всякое движение прекратилось. Подали команду: «Смирно!» На площадь выехал Корнилов. Чуть сзади его – казак с трёхцветным российским флагом. За ними группа всадников, генералы и немалое количество штатских. Корнилов здоровался с личным составом, добровольцы бодро отвечали. Выехав на середину площади, Корнилов спешил. К нему тут же подошли старшие начальники. Получив распоряжения, вскоре возвратились к своим колоннам.

К ставшим вместе трём Офицерским батальонам и Батайскому отряду подошёл генерал Марков с двумя сопровождающими.

– Не много же вас здесь! – обратился он к строю. – По правде говоря, из трёхсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убеждён, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идём – я всё равно скажу, что идём мы к чёрту на рога, *за синей птицей*. Теперь скажу только, что

приказом Верховного Главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трёх батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона, хорошо известных нам по боям под Батайском. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь. Здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешёл на батальон!

Тут же командир 1-го батальона полковник Борисов громко заявил из строя:

– Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться на роту.

– Полковник! Вы мне не нужны! – не раздумывая, ответил Марков. И обратился к подполковнику Плохинскому. – Назар Борисович, примите роту!⁹

– Штаб мой будет состоять из меня, – продолжал Марков, как ни в чём не бывало, – моего помощника, полковника Тимановского и доктора Родичева¹⁰, он же и казначей... А если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а уж я с ним побеседую...

⁹ Вот что пишет об этом инциденте Деникин: «У Маркова также были некоторые трения, но он с первых же дней взял в руки свой полк». Даже если конфликт определялся более значимыми причинами, чем нежелание Борисова занять не соответствующую званию должность, симпатии подавляющего большинства офицеров оставались на стороне Маркова. И удивляться не приходится. Генерал успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Он был решителен, смел. В бою и в походе находился рядом с добровольцами. Говорил, что думал, с неизменной прямоотой. А главное, все в Армии знали, с Марковым не пропадёшь. К тому же, правота его была очевидной. Полковников хватало, полки же были наперечёт.

¹⁰ Полковник Н.С. Тимановский, сослуживец Маркова по 13-му стрелковому полку, одно время командовал Георгиевским батальоном при ставке Верховного Главнокомандующего. На Великой войне был несколько раз ранен, но возвращался в строй. Было полковнику 29 лет. Доктор Г.Д. Родичев также являлся старым приятелем Маркова. Доверительность их отношений характеризует уже то, что Марков называл Тимановского «Степаньчем», а Родичева «Гаврилычем». Несмотря на непритязательный вид, Родичев в короткий срок сумел сформировать полковой походный лазарет и поставить дело должным образом. Кроме того, на него были возложены обязанности казначея и делопроизводителя. Вся казна, отчётность и канцелярия полка помещались у Родичева в полевой сумке и за голенищами сапог.

Н.С. Тимановский

По рядам пробежал одобрителный гул. Марков, явно желающий вселить в своих офицеров дополнительный заряд бодрости, добавил напоследок то ли в шутку, то ли всерьёз:

– Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек...

У многих не было не только погон. Экипировка, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Централизованное снабжение наладить так и не удалось. Поэтому и в бой и в поход каждый пошёл, в чём был. И если винтовки с трёхгранными штыками были у всех за плечами¹¹, то даже в офицерских и юнкерских ротах среди армейских шинелей тут и там выделялись в строю френчи и пальто гражданского покроя¹². Да и шинели в большинстве были изрядно поношенные. Заменить или даже отремонтировать толком обмундирование в условиях непрерывных боёв было невозможно...

В результате реорганизации Добровольческая армия получила следующий состав:

– пехотные части и подразделения:

Сводно-офицерский полк (командир генерал С.Л. Марков, начальник штаба полковник Н.С. Тимановский) 4-х ротного состава:

- 1-я рота (командир подполковник Н.Б. Плохинский – 200 штыков при 4-х пулемётах), сформирована из 1-го Офицерского батальона;
- 2-я рота (командир полковник Лаврентьев – 200 штыков при 2-х пулемётах), сформирована из 2-го Офицерского батальона, пополненная частью юнкеров Киевской Школы прапорщиков, Ростовской роты и различных команд;

¹¹ Студенческий батальон был вооружён однозарядными винтовками «Гра» и лишь перед выступлением в поход получил «трёхлинейки».

¹² «Одежда была крайне разнообразна, – пишет А.П. Богаевский. – У огромного большинства сильно потрёпана...»

- 3-я рота (командир полковник А.П. Кутепов – около 200 штыков при 3-х пулемётах), сформирована из 3-го Офицерского батальона;
- 4-я рота (командир ротмистр К.И. Дударев¹³ – около 110 штыков при 4-х пулемётах), сформирована из Батайского отряда.

Также в составе полка команды связи и подрывников, всего 28 человек.

При штабе – 5 конных ординарцев.

При полку боевой и хозяйственный обоз, а также походный госпиталь с несколькими сёстрами милосердия и санитарями из пожилых офицеров.

Всего в полку на момент формирования около 800 добровольцев.

С первого же дня в расположении штаба стало развеваться полковое знамя: белый Андреевский крест на чёрном фоне.

Корниловский ударный полк (командир подполковник¹⁴ М.О. Неженцев, помощник командира полка капитан Н.В. Скоблин, адъютант полка поручик князь Н.И. Ухтомский¹⁵) 3-х батальонного состава:

- 1-й (Офицерский) батальон (командир полковник Е.Г. Булюбаш¹⁶) – сформирован из влитых в состав полка партизанского имени генерала Корнилова батальона и Георгиевской роты в составе 4-х рот:
- 1-я Офицерская рота (командир капитан Миляшкевич);
- 2-я Офицерская рота (командир штабс-капитан князь Л.М. Чичуа¹⁷);

¹³ За болезнью командира Батайского отряда полковника Ширияева.

¹⁴ Произведён в подполковники Корниловым в Ростове.

¹⁵ А.П. Богаевский утверждает, что Ухтомский – была настоящая фамилия небезызвестного капитана Капелько. Но речь, по-видимому, идёт всё же о разных людях.

¹⁶ Бывший начальник Павловского военного училища.

¹⁷ О князе Чичуа, стоявшем у истоков создания Корниловского полка, тепло отзываясь в своих воспоминаниях Р. Гуль.

- 3-я Офицерская рота (командир капитан М.М. Минервин¹⁸);
- 4-я Офицерская рота (командир капитан Пиотровский);
- 2-й батальон (командир полковник Мухин) 3-х ротного состава:
 - 5-я рота (командир штабс-капитан Томашевский);
 - 6-я рота (командир штабс-капитан Петров¹⁹);
 - 7-я рота (командир поручик Салбиев);
- 3-й батальон (командир полковник В.И. Индейкин) 2-х ротного состава:
 - 9-я рота (командир капитан Лызлов)²⁰;
 - 10-я рота (командир штабс-капитан Мымыкин).

Кроме того, в составе полка:

- пулемётная рота (команда) – командир есаул Н.В. Милеев²¹, помощник командира капитан Рябинский;
- команда связи под началом капитана Морозова;
- хозяйственная часть (начальник капитан Гавриленко).

Общая численность Корниловского полка на момент выхода из Ростова не превышала 500 штыков, после реорганизации достигла 1100-1200 штыков (из них 400 офицеров) при 12 станковых пулемётах (до 20 пулемётов было передано в другие части).

¹⁸ Непосредственный участник событий М.Н. Левитов говорит о том, что 3-й офицерской ротой «корниловцев» командовал штабс-капитан Р.Ф. Пух. Можно предположить, что Пух заменил Минервина позднее, не исключено, в связи с его переходом на 2-ю роту.

¹⁹ М.Н. Левитов утверждает, что командиром 6-й роты был Н.Н. Ровенский, а штабс-капитан Петров принял роту после его гибели в Усть-Лабинской.

²⁰ В описании состава полка, как у Критского, так и у Левитова за 7-й ротой 2-го батальона следует 9-я рота 3-го батальона. Каких-либо объяснений по поводу «отсутствия» 8-й роты не приводится. Можно предположить, что рота была расформирована ввиду малочисленности, а личный состав влит в другие подразделения полка.

²¹ Заменил погибшего в конце января в боях под Таганрогом назначенно на эту должность Неженцевым ещё при формировании полка подпоручика Андреева.

Партизанский полк под началом генерала А.П. Богаевского был сформирован из трёх партизанских отрядов, значившихся по имени своих командиров²². Отряды влились в полк тремя сотнями:

1-я сотня полковника Т.П. Краснянского (до 120 штыков в двух взводах);

2-я сотня есаула Р.Е. Лазарева;

3-я сотня – «чернецовская» под командованием капитана В. Курочкина из оставшихся партизан-чернецовцев.

Всего до 600 штыков.

При полку был отличавшийся завидной организацией перевозочный обоз, включённый в его состав вместе с остатками чернецовского отряда, в составе которого он и был сформирован. Наличие «собственного» медперсонала позволяло Партизанскому полку, как и Сводно-Офицерскому, перевозить своих раненых в полковом обозе и производить их излечение на марше в возможно короткие сроки.

Особый Юнкерский батальон (командир генерал-майор А.А. Боровский) 3-х ротного состава:

– 1-я рота (юнкерская) сформирована из Юнкерского батальона²³ и части юнкеров Киевской школы прапорщиков;

²² Отряд сотника Грекова при реорганизации Армии был сохранён, как самостоятельная боевая единица. Однако когда вскоре Греков покинул расположение Добровольческой армии, отряд его был расформирован, а люди распределены по частям.

²³ Командир Юнкерского батальона штабс-капитан В.Д. Парфёнов при сведении бывшего его батальона в роту во вновь созданном Особом Юнкерском батальоне оставаться не пожелал. «Его не удерживали», – весьма сдержанно пишет В.Е. Павлов. Надо понимать, что Добровольческая армия вовсе не была средоточием лишь добродетели и взаимного расположения. Как и в любом сложном военном организме отношения в ней чаще складывались, но иногда и нет.

И трения между людьми и даже обособленными группами вовсе не были редкостью. Другое дело, что конфликты не загонялись вглубь, а тут же, так или иначе, разрешались как начальством, так и самими их участниками.

Вот что пишет по этому поводу Деникин: «Сведение частей вызвало много обиженных самолюбий смещённых начальников и на этой почве некоторое неудовольствие в частях. Приглашает меня к себе Алексеев и взволнованно говорит:

– 2-я и 3-я роты – из учащейся молодёжи Студенческого батальона.

Всего во вновь созданном батальоне насчитывалось до 400 штыков.

После того, как была проведена реорганизация Армии, Командующим был устроен особый смотр Юнкерского батальона, во время которого он произвёл юнкеров батальона в прапорщики²⁴. Кадетам Корнилов присвоил особое звание – «*походных юнкеров*²⁵». Всем произведённым были выданы приготовленные ещё в Ростове погоны со звёздочкой поверх просвета. Кадеты на своих погонах по нижнему ранту нашли ленточки национальных цветов.

Молодёжь, как ей и пристало, испытывала в связи с производством эмоциональный подъём и смотрела в будущее с оптимизмом.

Чехословацкий инженерный батальон²⁶ с Галицко-русским взводом²⁷ – командир капитан Неметчик, технический руководитель инженер Кроль (до 250 штыков, в том числе, 40 человек в составе вошедшего в состав батальона Галицко-русского взвода под командой прапорщика Б.Н. Яцева).

Техническая рота – командир полковник Н.И. Кандырин (до 120 штыков).

– Я не ручаюсь, что сегодня не произойдет бой между юнкерами и студентами. Юнкера считают их «социалистами». Как можно было сливать такие несхожие по характеру части.

– Ничего, Михаил Васильевич. Все обойдется. Волнуется больше П. (Парфёнов), чем батальон...»

И действительно, неизбежные непрекращающиеся бои помирили вскоре «левых» реалистов с «правыми» юнкерами. В цепи, в штыковой атаке локтевая связь и надёжное плечо товарища оказывались неизмеримо значимее политических разногласий...

²⁴ Приказ Корнилова о производстве в офицеры относился ко всем юнкерам Добровольческой армии.

²⁵ Другое название – «полевые юнкера».

²⁶ Был сформирован в Ростове полковником Яном Немечком из военнопленных чехов и словаков.

²⁷ Создан Г.С. Мальцем из обучающихся в Ростове гимназистов и студентов, выходцев из Галиции.

– кавалерийские подразделения:

Конный дивизион полковника П.В. Глазенапа из донских партизан (первоначально до 15 сабель).

Конный дивизион полковника В.С. Гершельмана из регулярных кавалеристов (до 180 сабель).

Конный отряд подполковника Корнилова²⁸ из конных донских партизан-«чернецовцев».

Всего 220-250 сабель.

– армейская артиллерия:

1-й отдельный лёгкий артиллерийский дивизион полковника С.М. Икишева был вновь сформирован в составе четырёх 2-х орудийных батарей²⁹:

1-я Офицерская батарея под командованием подполковника Д.Т. Миончинского (старшие офицеры капитан Глотов и штабс-капитан Князев; командир первого орудия штабс-капитан А.А. Шперлинг, второго – поручик Казанли).

Также в составе батареи:

- пеший взвод под командованием поручика Н. Боголюбского (до 30 человек);
- пулемётная команда подпоручика Гагемана;
- команда разведчиков подпоручика Давыдова;
- команда телефонистов портупей-юнкера Александрина.

Хозяйством, которым успела обзавестись батарея, заведовал капитан Межинский.

Всего в батарее было до 100 юнкеров³⁰, преимущественно старших возрастов.

Бывшая Юнкерская батарея, которую не жаловал враг, но, по

²⁸ Однофамилец командующего.

²⁹ Всего на дивизион приходилось не более 600-700 снарядов, вывезенных Миончинским из Ростова.

³⁰ 11(24) февраля в течение дня в Ольгинскую из Новочеркасска прибывали раненые и отставшие от батареи юнкера и офицеры, разузнавшие о местонахождении Армии и батареи и не желавшие с ней расставаться.

непонятным причинам, не особо жаловало и начальство, заслуживает того, чтобы уделить её судьбе *чуть больше* внимания.

Батарея переправилась через Дон в полном составе и привела в Ольгинскую все четыре своих, самими юнкерами добытых орудия. Однако 11(24) февраля Миончинский объявил о приказе Корнилова передать два орудия с упряжками во 2-ю Офицерскую батарею, оставившую свою материальную часть³¹ при отступлении из Ростова. Логика в действиях Командующего, без сомнения, была. При катастрофической нехватке снарядов концентрировать артиллерийские стволы в мощный кулак было невозможно. Требовалось иное – подвижная, манёвренная артиллерийская поддержка немногочисленной пехоты. И хотя юнкера встретили приказ без особого энтузиазма и даже сочинили несколько куплетов «Журавля», относящихся к передаче орудий и ко 2-й батарее в целом³², он был выполнен беспрекословно и незамедлительно. Прислуга двух переданных орудий была переведена в пеший взвод.

Однако если юнкера были лишь огорчены, то их командир – возмущён. Передача орудий явилась последней каплей. И до этого, пользуясь старшинством, офицерские батареи пытались, и безуспешно, использовать юнкеров при формировании различных команд и даже для производства хозяйственных работ. Среди офицеров ходили откровенные разговоры о том, что в то время как в 1-й батарее фейерверками служат юнкера, в остальных батареях в качестве ездовых вынуждены выступать офицеры. Нетрудно было также догадаться, что в связи с передачей орудий последует распоряжение распределить «освободившихся» юнкеров по офицерским батареям.

Миончинский, который был не просто достойным командиром, но и связал себя с судьбой вверенного ему подразделения, обратился к Алексееву. Доложив генералу о своих опасениях, Миончинский напомнил ему, что 1-я Юнкерская батарея, спа-

³¹ В воспоминаниях марковцев-артиллеристов утверждается, что 2-я батарея оставила в Ростове своих лошадей и орудия по приказу командира дивизиона полковника Икишева.

³² Этими куплетами 1-я батарея неизменно встречала 2-ю, когда их пути пересекались на марше.

янная традициями артиллерийских военных училищ и боевым братством, успела заявить о себе в непрерывных боях и принесла немалую пользу, уже хотя бы тем, что «снабдила орудиями почти все артиллерийские части Армии и доблестью своей заслужила быть ограждённой от попыток её распыления, производимых старшим артиллерийским начальством».

Алексеев, стоявший у истоков формирования батареи, отнёсся к докладу с пониманием. В присутствии генерала Маркова и того же Миончинского он обратился к Корнилову с просьбой о производстве в офицеры юнкеров³³ батареи и сообщил ему, что дал своё слово в том, что юнкера-артиллеристы не будут переведены из батареи в другие подразделения без их личного согласия.

В результате приказом №32 от 12(25) февраля 1918 г. «за боевые отличия в делах против большевиков» в прапорщики производились *все* юнкера Добровольческой армии³⁴.

Орудия 1-я батарея передала, но людей и состав сохранить сумела. В 4-ю Офицерскую батарею уже в станице Кагальницкой были переведены с их согласия четыре юнкера.

2-я Офицерская батарея под командованием подполковника Е.В. Шмидта.

3-я Офицерская батарея под командованием подполковника Л.М. Ерогина.

4-я Офицерская батарея под командованием полковника

³³ Большинство юнкеров были старшего курса со сроком производства в декабре 1917 г. Тяжёлые бои под Ростовом и Новочеркасском стоили, без сомнения, выпускного экзамена.

³⁴ То, что производство юнкеров в офицеры принципиально решено было Корниловым заранее, не оставляет сомнений. Однако вовсе нельзя исключать, что «мероприятие» первоначально не планировалось одновременным, а должно было использоваться в качестве поощрения отличившихся в будущих боях. Думается именно доклад Миончинского, возможно, и других офицеров, побудил Корнилова признать, что оставшиеся в строю юнкера и так уже отличились насколько это вообще возможно и по звёздочке на погоны заслужили.

А.Н. Третьякова³⁵ (старший офицер подполковник Машин, командир первого орудия подьесаул Н.И. Золотарёв, второго – капитан Рудницкий).

В Ольгинской батарее имела на вооружении два орудия образца 1902 г., два зарядных ящика, телефонный аппарат, перевозимый на двуколке, походную кухню и две повозки под имущество батареи.

Хозяйством заведовал подполковник Михайлов. Фуражиром был подпоручик Иванис³⁶.

Всего в батарее 53 офицера и добровольца (в том числе, три сестры милосердия).

Охранная рота штаба под командой полковника Е.М. Дейло.

Конвой главнокомандующего – до взвода «текинцев» под командой полковника Григорьева.

Армейский походный лазарет (начальник – доктор Трейман).

Обоз под началом генерал-лейтенанта Генерального штаба Е.Ф. Эльснера³⁷. Численность людей в обозе была, разумеется, переменной. С боями и притоком раненых он постепенно разрастался и всё больше сковывал Армию³⁸.

³⁵ В Старой армии был командиром дивизиона Лейб-гвардии стрелковой артиллерийской бригады.

³⁶ Будущий Кубанский атаман.

³⁷ «Эльснер был выдающимся начальником снабжения Юго-западного фронта, – писал о генерале Деникин, – а здесь нужен был просто хороший, крепкий интендант, умеющий найти и купить. Эльснер был добросовестен, медлителен и трудолюбив... и слишком добр, тогда как требовалась исключительная энергия, порыв и безжалостность. Наконец Эльснер был честен, тогда как подлое время требовало, очевидно, и подлых приёмов...»

³⁸ «Обоз почему-то назывался у нас «главными силами», – пишет Н.Н. Львов, – тогда как он являлся главною обузой для Армии. Нужно было охранять его, ждать лишнее время на переездах у железных дорог и при переправах через реки, заботиться о его прикрытии, когда войска уходили вперёд. Обоз являлся серьёзным тормозом для боевых операций.

...Кроме раненых с обозом ехали и шли пешком: охранная рота, служавшие разведывательного отделения, люди, связанные тем или иным путём с «Алексеевской организацией». Везли казну на подводах, серебряную монету и кредитные билеты из ростовского государственного банка. Ехали и жёны

В воспоминаниях некоторых очевидцев приводится точное количество бойцов в Армии – 3683 человека³⁹ (из них свыше 3000 штыков в строевых пехотных частях). Однако следует учитывать, что состав ежедневно, если не ежечасно, изменялся. Из Новочеркасска и даже Аксайской и Нахичевани прибывали группами и поодиночке легкораненные и отставшие. Иные покидали Армию...⁴⁰

Стеснявшая боевые части огромная масса беженцев, отступивших с добровольцами из Ростова, с многочисленными телегами и пролётками, до крайности затрудняла последующее движение и сводила любой манёвр на нет. Корнилов отдал приказ всем гражданским оставить Армию⁴¹.

В Ольгинской добровольцы отдохнули и привели себя в порядок. Всех теперь интересовало одно: что дальше? Остаться продолжительное время в непосредственной близости от мощных советских группировок, многократно превышающих силы Армии, было невозможно. Вопрос поэтому стоял лишь о том,

офицеров, и сёстры милосердия. Были и люди, неизвестно почему затесавшиеся в поход...»

«А за войсковою частью прёт обоз – бойцов несчастье», – распевали на марше куплет «Журавля» юнкера 1-й батареи.

Однако обоз берегли в бою и ставили в середину колонны на пути следования. Каждый понимал, в любой момент он может получить ранение, и вынужден будет перебраться на обозную подводку.

³⁹ Всего в походе участвовало 2325 офицеров, 1067 добровольцев, а также, 165 женщин и 150 гражданских лиц. («Вестник первопоходника» №29). Тех, кому исполнилось к этому времени 40 лет, было не более 600 человек, в основном, старших офицеров. Остальные – моложе этого возраста. Юнкеров, кадет, студентов и реалистов было до 500 человек.

⁴⁰ С небольшим отрядом «особого назначения» был направлен в Заволжье и далее в Сибирь полковник Лебедев, который должен был связаться с местным антибольшевистским движением (впоследствии стал начальником штаба у Колчака). По личным соображениям оставили Армию генерал Склавдовский и «быховец» капитан Роженко. Оба они были схвачены в станице Великокняжеской и казнены.

⁴¹ С Армией остались некоторые политические и культурные деятели старого времени, в частности, Н.Н. Львов, братья А. и Б. Суворины, Л.В. Половцев, Л.Н. Новосильцев, ген. Кисляков, Н.П. Щетинина, два профессора Донского политехнического института и др. Желавших присоединиться членов Ростовского «Совета» от похода отговорили.

куда идти⁴². И было очевидно, от выбора дальнейшего маршру-

⁴² Упоминание некоторыми авторитетными источниками, в частности, Деникиным и Павловым, в качестве возможной цели похода «Мервского оазиса» заставляет подробнее остановиться на следующем анекдотическом эпизоде.

Командиром 3-го взвода 1-й роты Офицерского полка был капитан Згривец, фигура в Армии весьма колоритная. Попав в действующую армию из низших слоёв, он из рядовых дослужился до подпрапорщика, после чего окончил офицерскую школу. Згривец среди новоиспечённых офицеров своего взвода, да и всей 1-й роты, оставался в сущности тем, кем был и на Великой войне – унтер-офицером, и выполнял те же функции. Не получив должного образования, что не могло не бросаться в глаза, капитан вместе с тем был храбрым, неглупым и чрезвычайно исполнительным офицером и командиром и пользовался непререкаемым авторитетом у подчинённых и уважением начальников. Не случайно пожилой грузный Плохинский при необходимости передавал командование ротой именно Згривцу.

Несмотря на бесконечные взыскания Згривца любили, но по молодости не упускали случая беззлобно над ним подшутить.

12(25) февраля 1-е отделение 3-го взвода располагалось в казачьей хате станицы Ольгинской. При нём находился и взводный. Вечер коротали, обсуждая интересующий всех вопрос, куда пойдёт теперь Армия. Капитан в беседу не вступал, но слушал внимательно. Высказывались различные соображения, но вдруг, прозвучало одно, предложенное прапорщиком Рейнгардтом специально для привлечения внимания Згривца и превзошедшее нелепостью все остальные. Рейнгардт уверенно заявил, что упомянутые Марковым «синие птицы» обитают лишь в Мервском оазисе, а, следовательно, туда Армия и направится. Взводный весь обратился в слух, но молчал, не без основания опасаясь попасться на удочку. Тут в хату вошёл поручик Залёткин, бывший на связи в штабе и только что сменившийся.

– Жора, правда ли, что мы идём в Мервский оазис? – спросили у него. – Ты ничего не слышал?

Поручик, мгновенно сориентировавшись, подтвердил:

– Завтра выступаем в Мервский оазис!

– А где ж этот самый... оазис? – не выдержал, наконец, Згривец.

– В Туркестане, – ответили ему совершенно искренне.

«Нижняя губа кап. Згривца сама собой вытягивается в дудочку, – пишет Рейнгардт, – рот раскрывается и глаза округляются. Единственная фраза, произнесённая им, состоит из одного слова, выражающего всю бурю чувств и переживаний, которые овладели им при столь потрясающем известии:

– Вот!

Дикий, безумный, неудержимый смех охватил всех нас...»

Взводный выпрямился, надел фуражку и шинель и вышел из хаты, бросив от дверей:

– Ну, сейчас чтоб чистить винтовки! Чтоб вас далеко не носило бы...

Через час он вернулся, проверил «трёхлинейки» и сообщил, что отделение назначено в полевую заставу. Обескураженное отделение выдвинулось

та зависит и судьба Армии, и жизни людей, вставших в её ряды.

6.2. Хомутовская. Движение Армии к Егорлыкской

Генерал Корнилов склонялся поначалу к тому, чтобы двигаться на юго-восток в район зимовников, подальше от железных дорог и крупных населённых пунктов. Там, по его мнению, Армия могла бы отсидеться в относительной безопасности. В развитие этого плана им были даны соответствующие предварительные распоряжения.

Видя это, днём 12(25) февраля генерал Алексеев написал Корнилову следующую записку⁴³: «События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 часам положение рисуется в таком виде:

атаман слагает свои полномочия; вся власть переходит к военно-революционному комитету; круг вызвал в Новочеркасск

на окраину. Уже ночью к добровольцам подъехали три всадника, Марков, его адъютант капитан Образцов и доктор Родичев. Начальник заставы штабс-капитан Крыжановский подошёл к командиру полка с рапортом.

– А, это, стало быть, вы? – прервал его Марков. – Ну, что вы там начудили?

Выслушав историю о Мервском оазисе, Марков не выдержал и расхохотался, но тут же заметил подошедшего к заставе Згривца.

– Весёлые у вас люди, капитан, – заметил он.

– А чего им... только и делают, что ржут. Вот теперь пусть помёрзнут, что бы их в Туркестане не попало...

«Теперь, – пишет Рейнгардт, – смеются и ген. Марков, и д-р Родичев, и Митя Образцов. А мы... мы ржём. Згривец насупился. Желая поддержать и утешить его, ген. Марков, указывая на кисть его раненой руки, спрашивает:

– Ну, как, капитан – работает?

– Работает, ваше-ство! – оживился Згривец.

Но он врёт: кисть его руки остаётся неподвижной и три месяца спустя будет лежать она, такая же неподвижная, на его тоже уже неподвижной груди, закрывая собою маленькое отверстие от пули, пронизавшей его сердце».

Эта история, не имеющая на первый взгляд какой-либо значимости, даёт, если вдуматься, куда большее, нежели многотомные фундаментальные издания, представление о Добровольческой армии и о людях, ушедших от Ростова в неизвестность.

⁴³ То, что Алексеев, не поставленный даже в известность о направлении дальнейшего движения Армии, предпочёл не поговорить с Корниловым, а обратиться к нему письменно, свидетельствует о многом. Неприязнь между двумя вождями Армии сохранялась. Она то затухала, то вспыхивала вновь, но никогда не исчезала совсем. Лишь смерть Корнилова покончила с ней навсегда.